

Янагита (Мацуока) Кунио (1875–1962) досталась такая слава, которая почти никогда не достается «настоящим» гуманитарным ученым. Особенно если учесть, что он занимался такой узкой областью, как этнология. В довоенное время Янагита не пользовался широкой известностью, но после войны к нему пришли и официальное признание, и всеяпонская слава. Его широчайшее признание обусловлено тем, что он не только изучал реальность, но и творил ее. В качестве такой высшей реальности выступал «японский народ», значимую часть которого образовывали жители Окинавы.

Ключевые слова: Япония, Янагита Кунио, этнология, мононациональность, дзё:мин, Окинава.

Мацуока Кунио был шестым сыном в многодетной семье. Он родился в 1875 г. в деревне Цудзикава, расположенной в современной префектуре Хёго. Отец Кунио, Мацуока Мисао, был низкоранговым самураем, знатоком китайской словесности и врачом. Поскольку у отца обнаружили психические отклонения, и он не мог больше заниматься врачеванием, материальное положение семьи стало тяжелым. Поэтому когда старший сын Канаэ открыл врачебную практику в префектуре Ибараки, он приютил Кунио у себя. Кунио было тогда 13 лет. Хёго и Ибараки расположены в районах, которые довольно сильно отличаются по укладу жизни, что, возможно, оказало влияние на интерес будущего ученого к этнологии¹.

Для обучения в гимназии Кунио снова сменил место жительства – переехал в Токио к другому своему брату, Митиясу, который был окулистом. К этому времени Митиясу уже давно носил фамилию Иноуэ, поскольку был принят в эту семью в качестве приемного сына. Иноуэ Митиясу (1866–1941), который был у тому же достаточно известным поэтом, вводит Кунио в литературную среду. Он познакомился с самим Мори Огай, дружил с Таяма Катай, Симадзаки Тосон, знался с Куникида Doppo и Токутоми Рока. Под их влиянием Кунио тоже увлекается сочинением современных стихов (синтайси), печатается в журнале «Мир литературы» («Бунгакукай») и коллективном сборнике. В его

¹ Чтобы лишний раз не путать читателя, мы последовательно называем Янагита Кунио «этнологом», хотя в разных работах встречается его определение и как «фольклориста», и как «этнографа». О носящей в значительной степени схоластический характер дискуссии на эту тему см.: *Bronson, Adam. Japanese Folklore Studies and History: Pre-War and Post-War Inflections. Folklore Forum, 2008.*

стихах заметны клишированные мотивы того времени: недовольство «этим миром», тоска по мистической инаковости, воспевание платонической любви с неизбежными невстречами и слезами, одиночество.

В 1896 г., когда Кунио еще учился в гимназии, умирают его мать и отец. Видимо, боль утраты меняет жизненные приоритеты Кунио. Он не расстается со своими литературными друзьями, но резко обрывает собственное поэтическое творчество. В романе Таяма Катай «Жена» студент, прототипом которого послужил Кунио, заявляет: «Я уже пресытился стихами... Мои стихи – это дилеттанство. У меня открылись глаза. Что толку в любовном стишке? Если есть время, лучше прочесть одну страницу по аграрному вопросу».

Действительно, поступив на юридический факультет Токийского императорского университета, Кунио больше всего интересовался проблемами, связанными с аграрной политикой. Его волновал вопрос: почему японские крестьяне столь бедны и как сделать так, чтобы их жизнь стала лучше? Иными словами, он решил отказаться от воспевания своего личного мира ради заботы о мире других людей. Прежде всего, сельских жителей, которые являются первичным источником как материальной, так и духовной жизни города.

Впоследствии Кунио отказывался включать стихи в собрания своих сочинений, называя их пустыми и никчемными. В то же самое время он никогда не расставался с поэтическим настроем. Его научные труды далеко не всегда соответствуют позитивистским критериям, его стиль витиеват, определения далеки от однозначности, что оставляет место для различных интерпретаций. Иными словами, его научная мысль перемещается в пространстве и времени намного быстрее, чем это привычно для «настоящего» ученого.

В 1900 г., сразу после окончания университета, Кунио начал чиновничью карьеру в юридическом отделе Министерства сельского хозяйства и торговли. В это время в повестке дня стояло создание производственных кооперативов. В связи с этим Кунио много ездит по стране, читает лекции и в столичных университетах, и в глубинке. Поездки Кунио охватывают всю Японию – от Сахалина до Кюсю. В этих поездках формировалось умение общаться с самыми разными людьми, что чрезвычайно важно для этнолога и, в особенности, для японского этнолога, которому приходится иметь дело с интровертными людьми, не слишком охотно контактирующими с чужаками.

В тогдашней Японии наблюдались весьма существенные межрегиональные отличия, которые обращали на себя внимание чиновника, явно обладающего задатками ученого. Сделанные в эту пору наблюдения явились тем полевым материалом, на основе которого Кунио делал свои умозаключения. Свои стихи он публиковал под фамилией Мацуока, путевые заметки и статьи подписаны фамилией Янагита. Дело в том, что в 1901 г. Кунио был принят в богатый и родовитый дом Янагита

Наохира в качестве приемного сына. Эта семья была обижена сыновьями, а по тогдашнему законодательству только сын мог быть наследником. Кунио переезжает в дом Янагита, а в 1904 г. женится на Така – дочери Наохира, который служил в верховном суде. Видимо, его протекция сыграла свою роль в быстрой служебной карьере зятя. Иноуэ Митиясу тоже вряд ли оставался в стороне. Он был протеже самого Ямагата Аритомо, с 1907 г. служил в поэтическом ведомстве императорского двора, обучал поэзии членов императорской фамилии, занимался поэтическим наследием императора Мэйдзи, исследовал классическую литературу, а в 1938 г. стал членом верхней палаты парламента.

Видимо, не без рекомендации брата Янагита Кунио в 1908 г. получает по совместительству должность в секретариате Министерства двора, приводит в порядок архив кабинета министров. В 1914 г. Янагита стал главой секретариата верхней палаты парламента. Таким образом, Янагита по роду своей службы был весьма близок к высшим государственным чиновникам, многих знал лично. Он участвовал в организации похорон императора Мэйдзи (1912) и инаугурации Тайсё. Хотя его должности были скорее техническими и не предполагали больших распорядительных полномочий, он был хорошо осведомлен о настроениях, царивших в чиновничьей среде.

Даже находясь на государственной службе, Янагита обнаруживает тягу к письменному слову, причем далеко не всегда его публикации были непосредственно связаны со служебными обязанностями. Первые прозаические публикации Янагита отличаются разномыслием: кооперативы, путевые заметки, местные обыкновения, народные верования, археология, историческая география, публицистические призывы к молодежи брать пример с российских и североевропейских студентов и изучать жизнь села.

Работы Янагита, посвященные сельскому обществу, свидетельствовали о том, что его понимание ситуации не соответствует стратегическому курсу правительства. Государство рассматривало деревню в первую очередь как ресурс для индустриализации, экспорта и экспансии. Правительство поощряло экспорт капитала (прежде всего, в Корею и Маньчжурию), а Янагита выступал против, утверждая, что средства должны направляться на улучшение ситуации в самой Японии. Международные амбиции страны, которая гордо именовала себя Великой японской империей, входили в диссонанс с установками Янагита на улучшение жизни обитателей этой империи. Основной целью предлагаемых Янагита мер было превращение арендаторов (а они составляли около двух третей крестьянства) в самостоятельных хозяев, что предполагало в перспективе уничтожение класса помещиков.

У Янагита было свое мнение по поводу сельскохозяйственной политики государства, но он имел слишком мало рычагов, чтобы влиять на нее. Он был «винтиком» в огромном государственном организме, уст-

роенном в соответствии с принципом строгой иерархии. Работа ученого дает намного больше возможностей для самостоятельности и независимости.

С самого начала этнологической деятельности Янагита видно, какое большое внимание он уделял сбору первичной фольклорной информации. В 1909 г. появилась первая книга Янагита, которая имела прямое отношение к этнологии. Она называлась «Продолжение охотничьих рассказов» и представляла собой запись преданий, рассказанных старостой деревни Сиоба (префектура Миядзаки на Кюсю). Эта брошюра не предназначалась для продажи и была напечатана всего в 50 экземплярах, рассчитанных на друзей и знакомых. В 1910 появилась другая книга – «Тоно моногатари» («Рассказы из Тоно»). Она представляет собой запись 119 преданий, рассказанных молодым литератором и выходцем из деревни Тоно (преф. Иватэ) по имени Сасаки Кидзэн (1886–1933). Таким образом, эта книга есть результат творческого сотрудничества двух молодых людей, которым казалось, что «народное творчество» должно ввести в городской интеллектуальный оборот. Книга, которая после войны была признана «визитной карточкой» Янагита и образцом литературного стиля, имела тираж 350 экземпляров и не получила практически никакого отклика. А если и получила, то его вряд ли можно назвать однозначным. Таяма Катай весьма двусмысленно называл «Тоно моногатари» «роскошной дикостью». Сам же Янагита отчетливо сознавал, что его труд «идет вразрез с веяниями времени»².

Самостоятельность мышления и нежелание встраиваться в идейный мейнстрим были отличительными чертами характера Янагита. Его литературные друзья интересовались западными литературными течениями и новинками и не находили особой прелести в «вульгарном» народном слове. Сам же Янагита, видимо, еще не созрел для того, чтобы, как это принято у фольклористов, записывать речь информанта без всяких искажений – он предпочел перевести рассказы Сасаки Кидзэн на литературный письменный язык (бунго). Именно поэтому Янагита и считается автором «Тоно моногатари».

Помимо лекций и публикаций, еще одним способом концентрации интеллекта в тогдашней Японии были многочисленные «общества» и домашние семинары, которые не имели институционализированного статуса. Одним из них стало «Краеведческое общество» («Кёдокай»), организованное влиятельным чиновником и публицистом Нитобэ Инадзо (1862–1933). Создание этого общества в значительной степени явилось реакцией на политику правительства, которое после окончания японско-русской войны с новой силой продолжило реорганизацию обедневшей за годы войны деревни. Эти меры были направлены на повышение продуктивности сельского хозяйства, уничтожение регионального

² *Ото Токихико*. Нихон миндзокугаку сива. Токио, Санъити сёбо, 1990. С. 102.

разнообразия, унификацию сельской жизни, приведение ее в гомогенное состояние, которое повышало степень управляемости страной.

Заседания «Краеведческого общества» проходили в доме Нитобэ с 1910 по 1917 г. «Деревенское общество» не было сборищем этнологов, на заседаниях зачитывались доклады, посвященные самым разным аспектам сельской жизни. В работе семинара принимали участие люди, которых объединяла ностальгия по прежней Японии, которую безжалостно уничтожала «модернизация». Здесь присутствовали и чиновники (в то время степень единомыслия еще позволяла участвовать им в таких имеющих диссидентский «душок» собраниях), и географы, и ученые-аграрники, и даже такой человек, как Макигути Цунэсабуро (1871–1944), который в 1930 г. основал неорелигиозную организацию «Сока кёйку гаккай» (впоследствии переименована в «Сока гаккай», ныне одна из крупнейших неорелигиозных организаций современной Японии). Постоянным участником семинаров был и Н. А. Невский (1892–1937), которому удалось впоследствии собрать уникальный фольклорный материал (особенно это касается Окинавы)³. Обращает внимание, что в работе семинара не принимали участие модные писатели, которые в то время искали вдохновение не в японской деревне, а в европейских столицах. Время писателей-деревенщиков еще не настало.

В тогдашней Японии этнология не была институционализированной дисциплиной, обычаи «простых» японцев больше интересовали иностранцев, чем самих японцев. Показательно, что в 1000-томной энциклопедии «Кодзи руйэн», в которой были собраны почерпнутые из письменных источников (от древности до середины XIX века) исторические сведения относительно самых разных сторон жизни Японии, не нашлось места для этнологического раздела. Эта энциклопедия была издана под патронажем государства в период Мэйдзи и отражает убеждение, что предметом истории является жизнь государства и высших классов. С первых годов Мэйдзи правительство вело борьбу против «предрассудков», «отсталых» обычаев и обыкновений, а этнологию именно это и интересовало.

В то же самое время необходимо отметить, что постепенно появлялись люди, которых интересовала жизнь простого народа. В 1910-х годах начинает свою деятельность и Янаги Мунэси (Янаги Соэцу, 1889–1961), основавший впоследствии влиятельное движение «Мингэй ундо» (его широчайшее признание относится к послевоенному периоду), ставившее своей целью изучение, популяризацию и поддержку народных ремесел⁴.

³ О жизни и деятельности Н. А. Невского см., в частности: *Громковская Л. Л., Кычанов Е. И.* Николай Александрович Невский. М.: Наука, 1978; *Икута Митико.* Сирё га катару Нефусуки. Осака: Осака гайкоку дайгаку, 2003; *Николай Невский.* Жизнь и наследие / под ред. Е. Бакшеева и В. Щепкина. СПб.: Институт восточных рукописей, 2013.

⁴ О Янаги Мунэси см.: *Герасимова М. П.* Теория ремесел Янаги Мунэси // Япония 2016. Ежегодник. М.: АИРО-XXI, 2017.

Конец XIX – начало XX века отмечены высокой социальной мобильностью: доступ к карьере и образованию получило большое количество выходцев из деревни. Кадровый костяк старшего поколения японских этнологов в значительной степени составили выходцы из деревни (или крошечных городков), не имевшие за спиной знатных самурайских или аристократических предков. Так, Орикути Синобу (1887–1953), другой знаменитый японский этнолог, которого принято ставить в пару с Янагита, был тоже сельским уроженцем. Эти люди сами являлись носителями традиции, которую они хотели удержать.

В 1913 г. Янагита стал соредактором журнала «Краеведческие исследования» («Кёдо кэнкю», издавался до 1917 г.) – органа «Деревенского общества». Его партнером стал Такаги Тосио (1876–1922), который, однако, вскоре ушел из журнала, ибо совместная работа с нетерпимым Янагита оказалась ему в тягость, и с тех пор Янагита издавал журнал в одиночку, что, видимо, больше соответствовало его самостоятельному характеру. Янагита впоследствии признавал, что в разрыве отношений был виноват он сам⁵.

О том, как издавался журнал впоследствии, свидетельствует Н. И. Конрад: «В каждом номере такого небольшого журнальчика выступало десять – двенадцать авторов. И мы удивлялись тому, как много в нем сотрудничает этнографов. Как-то раз Накаяма (этнограф Накаяма Таро. – А.М.) слушал нас, слушал, а потом и сказал: “Видите, вот эти шесть авторов – это Янагита Кунио, а эти пять – я”»⁶. Возможно, это чересчур радикальное высказывание, но в тогдашней Японии, действительно, существовало не слишком много людей, способных заполнить этнографическую (этнологическую) лакуну. Основную их часть составляли «сельские корреспонденты», посылавшие в журнал свои заметки-наблюдения о местных обычаях. Читателей же у журнала насчитывалось около 600 человек.

Работа над журналом предполагала поиск авторов. Именно в это время Янагита сводит знакомство с Орикути Синобу, активно переписывается с питавшим интерес к этнографии известным биологом Минаката Кумагусу (1867–1941). Янагита обладал очарованием, которое позволяло ему пробудить интерес к этнологии у самых разных людей. Одним из них стал молодой Сибусава Кэйдзо (1896–1963) – выходец из семейства крупнейших предпринимателей, который впоследствии и сам, в свободное от банковских забот время, занимался этнологическими штудиями, выступал в качестве этнологического мецената. В 1925 г. он открыл небольшой частный музей, в котором представил собранные им артефакты народной бытовой культуры.

⁵ *Ото Токихико*. Нихон миндзокугаку сива. Токио: Санъити сёбо, 1990. С. 18.

⁶ Цит. по: *Громковская Л. Л., Кычанов Е. И.* Николай Александрович Невский. М.: Наука, 1978. С. 48.

Янагита публиковал в журнале работы и по аграрным отношениям, и по фольклору. Волновала его и проблема этногенеза. Вполне в духе рассуждений того времени он признавал, что на территории «нашей островной империи» изначально проживали аборигены. Пришельцы (японцы) обладали более высокой культурой (ее основная черта – рисосеяние), они нанесли аборигенам поражение и вытеснили их в горы. Эти горцы являются отдельным этносом. Часть его была ассимилирована, часть продолжает свое существование до сих пор. Доказательство этого Янагита видел в фольклорных представлениях о разной горной нечисти в тех сюжетах, собиранием и изучением которых он занимался в то время. Описывая и исследуя (в значительной степени воображая себе) жизнь японских горцев, Янагита уподоблял себя римлянину Тациту, который описывал варваров-германцев, что, безусловно, свидетельствует об уровне его амбиций.

Кроме того, в работах этого времени Янагита указывал, что разбросанные по всей стране крошечные синтоистские святилища, в которых местные жители поклоняются своим родовым божествам, составляют основу жизненного уклада японцев. Таким образом, они являются потомками («детьми» – *удзико*) этого божества. И хотя деревенские ритуалы были изрядно трансформированы под влиянием буддизма и сю-гэндо, древняя вера в божество-покровителя данного рода и местности дожила до сегодняшнего дня. Эта вера и есть объединяющая сила для всех японцев. Для ее поддержания требуется связь с землей, которую могут сохранять только собственники земли. Таким образом, требование ликвидировать отношения арендаторства и отдать землю тем, кто ее обрабатывает, находило не только этически-социальные (ликвидация бедности), но и глубоко символические основания: объединяющим фактором он признавал разрозненные (многообразные) культы синто. Власть тоже считала синто объединяющим фактором, но она апеллировала к сконструированному ею же самой «государственному» синто. Главным предметом его культа являлась фигура императора, он же выступал и в качестве главного жреца. Для своего же удобства государство проводило слияние святилищ, их сокращение. Эти святилища ранжировались по степени важности и находились в ведении Министерства внутренних дел. Самые важные святилища обретали статус государственных и получали бюджетное финансирование. Янагита считал такую ситуацию «противоестественной» и нарушающей вековой порядок. Правительственные же мужи видели «огосударственные» святилища главными звеньями той магической цепи, которая была призвана обеспечить защиту великой Японии и помочь в ее имперских начинаниях.

Относительно «векового порядка» Янагита был не совсем прав, ибо японское государство XX века отнюдь не было первооткрывателем в своих попытках установить контроль над синто: древнее централизо-

ванное государство поступало точно таким же образом⁷. В любом случае, спор шел о том, что считать «настоящим» синто. Янагита был упорным, упрямым и оптимистичным человеком – он полагал, что непременно настанет время, когда идеи поборников государственного синто «рассеются, как облака, развеются, как дымка»⁸.

В 1919 г. ввиду разлада в отношениях с председателем верхней палаты парламента Токугава Иэсато Янагита оставил свою должность в парламенте и стал корреспондентом крупнейшей газеты «Асахи». Его обязанностью были «репортажи с мест», в которых он рассказывал о своих путевых впечатлениях. Особое значение имела поездка на Окинаву. С точки зрения экономиста, это был отсталый и депрессивный регион, но в глазах этнографа он представлял собой кладезь «древних» обычаев и верований. Янагита увидел в обитателях Окинавы родственников японцев, но эта идея не пользовалась популярностью – Окинава вошла в состав Японии совсем недавно, и многие «настоящие» японцы считали окинавцев за «чужаков».

Благодаря протекции Нитобэ Инадзо, в 1921 г. Янагита отправился в Женеву для участия в работе комиссии Лиги Наций по подмандатным территориям. После окончания Первой мировой войны Германия лишилась своих заморских владений, и Маршалловы, Марианские и Каролинские острова стали подмандатными территориями Японии. Пользуясь случаем, Янагита слушал лекции в Женевском университете, путешествовал по европейским странам, знакомился с работами ведущих европейских этнологов и антропологов. Все это укрепило его решимость посвятить остаток жизни науке.

На Янагита Кунио большое впечатление произвел личный бытовой опыт пребывания в Европе. Он остро ощутил свою личную неписанность в западный мир, страдал от неважного знания разговорных вариантов иностранных языков, скованности, одиночества, расовой униженности. Рабочими языками в Лиге Наций были признаны только английский, французский и испанский, что ощущалось Янагита как явная несправедливость. Познакомившись в бюро переводов с одним эсперантистом, Янагита поговорил с Нитобэ Инадзо, и они составили резолюцию о признании эсперанто рабочим языком Лиги Наций. Десять стран поддержали это предложение, но оно было заблокировано Францией. Позднее была принята резолюция, призывавшая к изучению эсперанто в государственных школах всего мира. Правда, почти никаких практических результатов это не имело. Но для Янагита последствие все-таки было: в 1926 г. он вошел в правление японского общества эсперантистов.

⁷ Мецгеряков А. Н. Terra Nipponica: среда обитания и среда воображения. М.: Дело, 2014.

⁸ Цит. по: Кавада Минуру. Янагита Кунио. Соно сэйтан то сисо. Токио: Ёсикава кобункан, 1997. С. 30.

Общественно-бытовая атмосфера, в которой пребывал Янагита в Европе, казалась ему агрессивной. В Женеве он ощущал себя крошечным островитянином, окруженным огромными и самоуверенными материковыми людьми. Сама проблематика работы комиссии наводила на грустные размышления относительно судьбы любых островов. Вспоминая ужасную эпидемию гриппа («испанки») 1919 г., он говорил: пока европейцы рассматривают туземцев на полотнах Гогена, островные жители Самоа и Таити буквально вымирают. Европейцы – это обитатели континента, они относятся к любым островитянам как к периферии, они «рассматривают» их, но не сочувствуют им. И японцы в этом отношении отнюдь не исключение. Дипломаты, работавшие в Лиге Наций, были людьми вроде бы воспитанными, но их мягкость улетучивалась, когда дело доходило до серьезных вопросов: предложение японской делегации внести в устав Лиги пункт о расовом равенстве было провалено.

Получив известие о катастрофическом землетрясении, которое обрушилось на Токио и Иокогаму 1 сентября 1923 г., Янагита вернулся на родину и стал писать аналитические статьи для «Асахи», посвященные социальным и, отчасти, политическим проблемам. В своих статьях он критиковал фашистский режим Муссолини, выступал за то, чтобы на должность армейского и военно-морского министра в Японии назначались гражданские лица, осуждал запрет рабоче-крестьянской партии⁹. Таким образом, он шел вразрез с набиравшими силу милитаристскими настроениями истеблишмента. Кроме того, он читал курсы лекций в университетах Кэйо и Васэда, посвященные фольклору и истории деревни.

В 1925 г. Янагита вместе с этнологом Ока Масао (1898–1982), которого многие считают родоначальником «настоящей» («научной» в западном понимании) этнологии¹⁰, начал выпускать журнал «Этнология» («Миндзоку») – первый специализированный журнал в этой области знания. Однако сотрудничество двух ученых не продлилось слишком долго – Янагита поссорился с Ока, что привело в 1929 г. к прекращению издания. Суть противоречий состояла в следующем: если Ока хотел издавать научно-теоретический журнал с включением в него переводных работ ведущих зарубежных ученых, то Янагита предпочитал делать «информационное» издание исключительно на японском материале – публикация первичных материалов представлялась ему самой важной задачей. В таком подходе обнаруживается свой резон: рассуждения следует строить исходя из материала, а этот материал еще не собран.

⁹ Янагита Кунио *дзэнсю*. Токио: Тикума сёбо, 1990. 1 доп. том. С. 103, 120–122; 2 доп. том. С. 325–327.

¹⁰ См.: «Origins of Oka Masao's Anthropological Scholarship», edited by Ishikawa Hideshi, Josef Kreiner, Sasaki Ken'ichi and Yoshimura Takehiko. Bonn, Bier'sche Verlagsanstalt, 2017.

Это была важная задача, не требующая отлагательства. Поскольку Япония вступила на путь модернизации позже западных стран, в ней еще сохранялась живая фольклорная жизнь, но она находилась уже на излете.

Янагита был знаком с работами ведущих этнологов мира. Эти ученые имели дело преимущественно с материалом, собранным в «экзотических» для них регионах, находившихся на «первобытной» стадии развития. Что до Янагита, то он работал исключительно на японском материале. Установку на первостепенную важность полевой работы Янагита сохранил до конца жизни. Свои занятия он называл «наукой собирания», а занятия оппонентов несколько презрительно именовал «наукой чтения»¹¹. Для того, чтобы яснее очертить область своих научных и эмоциональных интересов, Янагита стал называть свои занятия «мононациональной этнологией» (иккоку миндзокугаку), которая имеет своим адресатом исключительно японцев. Этнология – это «национальная наука», японские реалии должны быть описаны по-японски, а если они описываются на иностранном (английском) языке, то это будет похоже на экспозицию Британского музея, посвященную айнам¹².

В 1928 г. Янагита публикует книгу «Молодежь и наука». Эта книга является программной – попыткой осмыслить место традиционной культуры в условиях, когда модернизация (вестернизация) затрагивала все большее количество японцев. Внедрение западных институтов и технологий, безусловно, увеличило конкурентоспособность Японии на международной арене, но это был одновременно крайне болезненный и противоречивый процесс, сопровождавшийся безжалостным разрушением природной и социальной среды обитания. Янагита отмечал, что западная этнология является побочным продуктом колониализма и миссионерства, а потому западные этнологи в принципе не в состоянии разобраться в японских реалиях, эта задача по плечу только самим японцам, которые и должны указать западным специалистам верные пути и подходы. В этом и состоит их историческая миссия¹³. Показательно, что адресатом книги является молодежь. Янагита проживал уже свой шестой десяток и полагал, что его опыт позволяет ему мыслить категориями будущего. Ему хотелось не только учить, но и поучать. Не только юных японцев, но и зрелых европейцев.

В 1930 г. Янагита уходит из штата «Асахи», а в следующем году прекращает сотрудничество с газетой. Возможно, на это решение повлиял и курс газеты, поддерживавшей экспансионистские устремления Японии, с которыми не был согласен Янагита. Он всегда ратовал за то, чтобы правительство больше занималось внутренними, а не внешними проблемами. Его волновала не столько судьба страны, сколько судьба японцев.

¹¹ *Ото Токихико*. Нихон миндзокугаку сива. Токио: Сангъити сёбо, 1990. С. 61.

¹² *Мазда Хидэки*. Миндзоку то мингэй. Токио: Коданся, 2013. С. 152.

¹³ Янагита Кунио дзэнсю. Токио: Тикума сёбо, 1990. Т. 27. С. 345–346.

В 1929 г. давние знакомые Янагита (Орикути Синобу, Ока Масао, Киндайи Кёсукэ и др.) учредили общество «Миндзоку гаккай» со своим журналом «Миндзокугаку», но Янагита не стал участвовать в этом мероприятии. Свои научные интересы и тягу к лидерству Янагита стал реализовывать в собственном доме. Оставив родовое гнездо семьи Янагита, Кунио построил в пригороде Токио дом, специально приспособленный для кабинетной работы и проведения семинарских встреч. Пробразом этого просторного дома послужило жилище английского этнолога Фрезера. Заниматься японской этнологией было удобнее в доме, построенном в европейском стиле. Правда, в отличие от того времени, когда Янагита находился на государственной службе, теперь он одевался почти всегда по-японски. Этнология была новой дисциплиной, а в этом доме была прекрасная библиотека, в которой имелись такие иностранные книги, которые отсутствовали даже в библиотеке Токийского университета.

Начиная с сентября 1933 г. в доме Янагита начали проводиться еженедельные «четверговые собрания». Поначалу эти собрания были не привычными научными семинарами, когда их участники поочередно читают доклады. Скорее, это были сольные выступления Янагита: он читал лекции, которые стенографировал один из слушателей (впоследствии они были изданы типографским способом). Слушателями были и молодые ученые, и «интересанты», которые впоследствии стали учеными. Участвовали в семинаре и женщины, что было очень непривычно для тогдашней японской науки. Даже для находившихся под вечным подозрением бывших марксистов, которых тоталитарная машина принудила публично отречься от своих убеждений, не были закрыты двери в дом Янагита.

Все гости были младше годами хозяина дома. Похоже, что, как это часто бывает с харизматичными личностями, Янагита лучше ладил с молодыми людьми, чем со сверстниками, обладавшими сформировавшимися самостоятельными взглядами. Впрочем, дело не только в характере самого Янагита, но и в характере отношений в самом японском научном обществе, раздробленном на фракции, руководство в которых осуществляет только один человек, обладающий безграничным авторитетом для своих учеников и подопечных. Это сильно напоминало отношения в средневековых цеховых корпорациях, а Янагита считал себя человеком старого закала. Сосуществование в таких институтах равных авторитетов оказывалось принципиально невозможным. При такой структуре интеллектуального пространства отношения между разными институтами тоже зачастую оставляли желать лучшего.

При взгляде из сегодняшнего дня кажется, что Янагита Кунио и Янаги Мунёси занимались одним делом – изучением и введением в городской оборот «народной культуры». Однако сами они полагали, что идут

по разным дорогам. Янагита и Янаги публично обсуждали предмет своих занятий только один раз и остались откровенно недовольны друг другом. Об этом свидетельствует стенограмма их разговора, опубликованная в журнале «Гэккан мингэй» в марте 1940 г. Янагита говорил о том, что выясняет, какова народная жизнь, а Янаги – о том, какой ей надлежит быть. При всей своей харизматичности Янагита был все-таки ученым-наблюдателем, а Янаги больше напоминал проповедника¹⁴.

Поссорившиеся с Янагита люди часто называли стиль его общения диктаторским, упрекали за то, что многочисленные сельские корреспонденты, которые снабжали его материалами, оставались, по выражению Ока Масао, «безымянными солдатами», а вся слава доставалась «генералу» по имени Янагита Кунио. Эта критика отчасти отражает и нрав самого Янагита, но одновременно показывает и противоречия в самой сути метода, основанного на полевой работе, когда сбор первичной информации осуществляется многими людьми, которые не занимаются анализом первичных данных. Такая же проблема привычна и для археологии, в которой ведутся нескончаемые споры о том, кто первым обнаружил тот или иной артефакт¹⁵.

Плодовитость Янагита поражает: за год он успевал издать в среднем по три книги. И это не считая многочисленных статей. А ведь кроме этого были и публичные лекции, которые повсеместно читал Янагита как для широкой, так и для университетской публики. Смотря правде в глаза, нельзя не признать, что такая активность сказывалась на качестве текстов. Они пестрят повторами, не продуманными до конца мыслями и утверждениями. Характеризуя себя как последнего человека, получившего традиционное образование, Янагита был недалеко от истины: стиль его письма имеет налет эссеизма, грешит отсутствием однозначности и принятого ныне научного аппарата. Способ порождения некоторых из этих текстов добавлял сумбура – они представляли собой сделанные учениками записи лекций Янагита. Видимо, сознавая это, Янагита отказывался от сделанных ему в конце жизни лестных предложений издать полное собрание своих сочинений. Честно говорил он и о том, что в течение жизни не раз менял точку зрения на ту или иную проблему, что может ввести в заблуждение неподготовленного читателя¹⁶.

Четверговые собрания у Янагита имели большое значение для становления и институционализации японской этнологии и подготовки кадров. С 1934 по 1937 г. было предпринято масштабное обследование

¹⁴ *Маэда Хидэки*. Миндзоку то мингэй. Токио: Коданся, 2013. С. 120–133.

¹⁵ После прочтения лекции в 2000 г. в городе Киото автору этих строк был задан прямой, как правда, вопрос: «Почему о рабочем, который обнаружил замечательную находку, никто не знает, а вот про руководителя раскопок пишут газеты?»

¹⁶ *Ото Токихико*. Нихон миндзокугаку сива. Токио: Санъити сёбо, 1990. С. 183.

53 горных деревень по всей стране. Главными исполнителями стали участники «четвергового семинара», но поскольку финансирование осуществлялось государством (фонд «Нихон гакудзюцу синкокай», учрежден в 1932 г.), то Янагита пришлось переименовать семинар в «Научно-исследовательский институт по изучению жизни родного края».

«Цивилизация» проникала в горные районы медленнее, чем в равнинные, и они представляли собой прекрасный источник этнологической информации. Правительство было локомотивом модернизации, которая разрушала традиционный уклад, оно же выделило средства для того, чтобы запечатлеть его остатки. Правда, средства на разрушение были несопоставимы по своим масштабам с ассигнованиями, выделявшимися на изучение уходящих реалий. Крайне важным представляется следующее обстоятельство: традиционная письменная японская культура отражала по преимуществу реалии земледельческого общества, горцев она считала «отсталыми», относилась к ним с пренебрежением. Поэтому появление горцев в публичном поле имело большое общественное значение. То же самое касается и рыбаков, ставших объектом исследования сразу после обследования горных деревень.

Приступая к исследованию горных деревень, Янагита рассчитывал обнаружить древнейший культурный пласт, который бы подтверждал его давнюю идею о том, что жители глухих горных районов являются особым народом. Однако доказать это не удалось. С чисто японской почтительностью к учителю Ото Хитохико (1902–1990) писал: «К сожалению, осуществленное нами обследование горных деревень не сумело предоставить учителю важных данных (доказывающих правильность гипотезы Янагита. – *А.М.*). Не удалось доказать принципиальных отличий горных деревень от деревень земледельческих»¹⁷. Волею неволей мысль Янагита устремилась к идее о мононациональности японцев.

В 1935 г. Янагита исполнилось 60 лет. В дальневосточном понимании это особо значимая дата, ибо юбиляр прожил полный 60-летний цикл. Янагита и вправду справлял юбилей с размахом – посвященные этнологии лекции и выступления представителей почти из всех префектур продолжались целую неделю. Успех предприятия поразил самих его участников, которые пришли к выводу, что пора основать всеяпонское «Фольклорное общество». Его членами стали 120 человек. Ежемесячный бюллетень этого общества печатался на восьми страницах тиражом в 300 экземпляров. Собственно научные статьи отсутствовали, в основном там публиковались короткие первичные материалы, собранные членами Фольклорного общества. Острый на язык Ока Масао не преминул заметить, что бюллетень напоминает ему стрекозу без хвоста¹⁸.

¹⁷ Ото Токихико. Нихон миндзокугаку сива. Токио: Санъити сёбо, 1990. С. 66–67.

¹⁸ Цуруми Таро. Миндзокугаку-но ацуки хиби. Янагита Кунито то соно коданся. Токио: Иванами, 2004. С. 40.

Тем не менее следует признать, что в области сбора материала члены «Фольклорного общества» сделали много. В том числе провели серьезную работу по сбору и классификации региональной лексики, относящейся к брачным отношениям, похоронным обрядам и т. д. Люди, которыми окружал себя Янагита, были не теоретиками, они были практикующими этнологами-краеоведами.

Научная работа проводилась большая, но что можно сказать о публичном признании Янагита лично и дисциплины под названием «этнология»?

Янагита, безусловно, не был «настоящим» диссидентом, хранил теплые чувства по отношению к императорскому дому и не выступал за свержение режима, но Япония была тоталитарной страной, а этнологический дискурс Янагита был принципиально антитоталитарным¹⁹. Объектом его внимания был «народ», текущую ситуацию он оценивал с точки зрения интересов «простых людей» – прежде всего, жителей деревни. Официоз именовал подданных «императорским народом» (皇民 ко:мин), или «верноподданным народом» (синмин 臣民). Янагита же для обозначения японцев использовал придуманный им термин дзэ:мин 常民, под которым понимал людей (как сельских жителей, так и горожан), хранящих традиции. Точно такую же роль играл и император, отправлявший древние синтоистские ритуалы. Получалось, что «народ» и «император» поставлены на одну доску²⁰.

Такое рассуждение шло вразрез с официальными установками. В 1936 г. по всей Японии прогремело дело Минобэ Тацукити (1873–1948), юриста и изобретателя «теории органа» (кикансэцу). В соответствии с этой теорией император является верховным «органом» японского государства-организма. Верховным, но все-таки органом, полномочия которого огромны, но ограничены законом. Таким образом, Минобэ ставил на первое место не императора, а государство. Его теория долгое время была официально признанной. Однако вместе с нагнетанием истерии и в результате дискуссии, развязанной в 1934 г., Минобэ пришлось «добровольно» оставить парламент, а его сочинения были запрещены, поскольку император не должен попадать ни в какую классификационную группу. В 1940 г. историка Цуда Сокити (1873–1961) изгнали из университета и на короткое время посадили в тюрьму за его «неправильные» исследования древних источников и истории императорского дома. Что до Янагита, то хотя ему во время войны не удалось полностью избежать нападок со стороны ревнителей империи, но настоящих гонений он избежал. Видимо, прежде всего потому, что он не

¹⁹ Характеристику японского тоталитаризма см.: *Мещеряков А. Н.* Быть японцем. История, поэтика и сценография японского тоталитаризма. М.: Наталис, 2009.

²⁰ Цуруми Таро. Миндзокугаку-но ацуки хибиди. Янагита Кунито то соно коданся. Токио: Иванами, 2004. С. 67.

занимал никаких официальных постов и был слишком малозначимой фигурой.

Сам предмет штудий Янагита заставлял подчеркивать местные особенности верований, укладов и диалектов, в то время как официальная идеология делала упор на культурную и политическую гомогенность японцев. Напомним, что Янагита был настроен вполне критично и по отношению к существовавшей земельной системе, и по отношению к официальному синто. Временами допускал и вовсе непозволительные высказывания. Так, на публичной лекции в 1935 г. он заявил, что в императорском «Манифесте о воспитании» 1890 г. отсутствует любовь к сельским жителям²¹. А ведь «Манифест», провозглашавший главной добродетелью всех японцев лояльность по отношению к императору, был одним из основных текстов японского тоталитаризма, который школьники заучивали наизусть.

Невписанность Янагита в официальный дискурс хорошо видна по его отношению к исторической науке, которая была прочно встроена в тоталитарную систему. На словах Янагита признавал важность исторической дисциплины, но в его подходах видна неистребимая внутренняя потребность плыть против течения. Он признавал, что рассматриваемые объекты подвержены временным изменениям, но повсеместно принятое рассмотрение этого объекта от прошлого к настоящему не удовлетворяло его. Янагита предлагал идти не «снизу вверх», а «сверху вниз», то есть от настоящего к прошлому: сначала понять настоящее, а потом уже обратиться к прошлому. Именно настоящим и должна была заниматься его этнология. Такой «реверсивный подход» Янагита позаимствовал у Ёсида Того (1864–1918), разностороннего человека, занимавшегося и историей, и исторической географией, и театром²². «Возвратный подход», с помощью которого Ёсида написал историю Японии, не пользовался большой популярностью, но Янагита это не волновало.

Янагита критиковал устоявшуюся историческую науку с системных позиций. Он утверждал, что исследовательскую базу историков образуют исключительно письменные источники, а они не способны в *принципе* отражать реальную картину, поскольку письменные документы отражают не норму, а ее нарушение. Причем это касается не только событий в стране в целом. Даже документы, хранящиеся в деревенских архивах, демонстрируют ту же самую закономерность. В своей работе «Методы изучения жизни родного края» (1935) Янагита писал: «В большей своей части эти документы представляют собой регистрацию

²¹ В интервью 1950 года он конкретизировал высказанную в 1935 г. критику «Манифеста о воспитании»: в нем есть любовь к стране-родине, но нет любви к родной деревне, префектуре, региону. См. *Цуруми Таро*. Миндзокугаку-но ацуки хиби. Янагита Куньо то соно кодан-ся. Токио: Иванами, 2004. С. 4.

²² *Ото Токихико*. Нихон миндзокугаку сива. Токио: Санъити сёбо, 1990. С. 15.

природных бедствий, сопровождаются жалобными прошениями о послаблении в налогах и оказании материальной помощи, кроме того, это документы, касающиеся судебных тяжб внутри деревни или же между разными деревнями. Словом, эти документы отражают редкостные события». Поэтому может сложиться впечатление, что история эпохи Токугава представляет собой череду мятежей и природных бедствий, а это совсем не так²³.

Справедливо указывая на ограниченность исторических источников, Янагита предпочел не думать об ограниченности источников этнологических. Как известно, одной из серьезнейших методологических проблем этнологии и фольклористики является вопрос о том, реалии какого времени отражают зафиксированные наблюдателем обыкновения «народа».

Янагита полагал, что лучшим свидетельством о прошлых временах являются вовсе не погодные исторические записи, отражающие нарушения нормы, а описания сельских обыкновений, зафиксированных, например, Мотоори Норинага, ведущим представителем «национального учения» (кокугаку). Поскольку одной из основных жизненных целей Мотоори была борьба с любыми проявлениями китайского, то он относился с крайним недоверием и к практиковавшемуся в Японии хронологическому (погодному) описанию материала, считая это вредным китайским изобретением. По мнению Янагита, настоящая наука о прошлом – это «новая кокугаку», основу которой составляет этнология, т. е. изучение прошлого во всей его полноте. Его этнология включает в себя не столько редкостные «исторические» события, сколько не отраженные (плохо отраженные) в письменных источниках реалии повседневности, которые образуют скрытую за ними «душу» народа. Заключенное в этой душе «время» лишено линейности, оно циклично, а исторические события нарушают упорядоченную цикличность, служат ей помехой. Отдельно взятый человек по своей сути является исключением из общих правил, исключением из порядка. Поэтому в своем энциклопедическом труде 1931 г. «История периодов Мэйдзи и Тайсё. Обличья» («Мэйдзи-Тайсё: си. Сэсо:хэн» 明治大正史。世相篇) Янагита прослеживает недавнюю эволюцию, зачастую весьма стремительную, в разных областях повседневности, но эта эволюция происходит без участия конкретных людей, она не нуждается в них. В предисловии говорится: «Эта книга появилась в результате моей давней неудовлетворенности биографическим принципом изложения истории, а потому я преднамеренно не привожу ни одного антропонима. Здесь не повествуется о душевном мире героев»²⁴.

Для того, чтобы лучше проникнуться замыслом Янагита, следует помнить, что он писал эту работу во времена набиравшего силу миро-

²³ Маэда Хидэки. Миндзоку то мингэй. Токио: Коданся, 2013. С. 57–58.

²⁴ Янагита Кунио дзэнсю. Токио: Тикума сёбо, 1990. Т. 26. С. 12–13.

вого тоталитаризма, который – во всех своих региональных изводах – склонен к созданию культа героев. Это находит свое отражение в создаваемом государством пантеоне, в котором находится место не только политическим деятелям (в японском варианте – императорам) и военным, но и лицам гражданских занятий: поэтам, писателям, деятелям искусства, ученым и т. д.

Общий дух предвоенной/военной культуры отличался необыкновенным возбуждением, поэты и писатели генерировали метафоры и гиперболы, направленные на мобилизацию народного духа и отлет от реальности, что приводило в конечном итоге к расшатыванию народной психики. Только в этих условиях могли получать всенародное одобрение действия правительства, которое в 1937 г. начало полномасштабную войну с Китаем, а в 1941 – с США и Великобританией, конечной целью которой объявлялось освобождение Азии от колониализма. В дискурсе, который практиковал Янагита, отсутствовало возбуждение, характерное для того времени. Он исходил из конкретики и открыто говорил о том, что в нынешней литературе слишком много «впечатлений» и «чувств», призывал к более отстраненному подходу – только это позволит нынешней литературе стать в глазах людей будущего «классической литературой»²⁵.

Вышеприведенные характеристики дискурса Янагита объясняют тот факт, что в довоенное время он не пользовался сколь-либо ощутимой государственной поддержкой. В 1940 г. он получил премию газеты «Асахи» за вклад в культуру (это была первая премия, присужденная этнологу), но это была частная премия, присужденная газетой, с которой Янагита долго сотрудничал. Государственный орден за вклад в культуру (учрежден в 1937 г.) получали другие люди: в 1937 г. Сасаки Нобуцуна – литературовед и исследователь «Манъёсю» (эта поэтическая антология была «назначена» на роль выразителя японской маскулинности), историк-политолог Токутоми Сохо (1943), страстный публицист и антизападник Миякэ Сэцурэй (1943). В 1943 г. был создан государственный Институт этнографии, но для Янагита в нем не нашлось места. Конечно, ему было уже немало лет, но дело, разумеется, не только в этом. Институт этнографии был придатком колониальной империи и занимался изучением населения японских колоний. В то время официальная идеология признавала Японию страной многонациональной, а Янагита выступал против колониальной экспансии, занимался обыкновениями самих японцев и твердил, что Япония – это страна мононациональная. В том самом 1943 г., когда был создан Институт этнографии, Фольклорное общество Янагита прекратило свою деятельность вплоть до окончания войны. В следующем году прекратилось и издание

²⁵ Цуруми Таро. Янагита Кунио ню:мон : [Знакомство с Янагита Кунио]. Токио: Кадокава, 2008. С. 96–99.

бюллетеня. Разумеется, здесь сказались и тяжелые условия войны, но фактом остается и то, что «этнологические деньги» государство решило потратить на другой проект. Когда стали готовиться к празднованию 70-летия Янагита, Ассоциация помощи трону (Тайсэй ёкусанкай, спонсируемая государством и безоговорочно поддерживающая правительство «общественная» организация) отказалась выделить средства на празднование юбилея, так что пришлось прибегнуть к помощи частных лиц. Показательно также и поведение самого Янагита: следуя его пожеланиям, организаторы исключили из числа авторов юбилейного сборника статей тех людей, которые были или старше самого Янагита, или не являлись его непосредственными учениками²⁶. В любой ситуации этнолог Янагита продолжал демонстрировать крайности своего человеческого характера.

Во время войны Янагита допускал временами «патриотические» высказывания, являлся членом президиума Общества патриотических писателей, но все его суждения несут на себе печать умеренности и свободны от оголтелости, которой грешили столь многие его современники. Он отказывался включать в свои собрания сочинений юношеские стихи, но среди его научно-публицистических сочинений не было таких работ, от которых следовало отречься по идеологическим мотивам.

После окончания войны Япония была оккупирована американскими войсками. Общественно-политическая атмосфера стала совсем иной, теперь настало время тех людей, которые не были певцами тоталитарного режима и не были у него в фаворе. Тогда-то, уже на восьмом десятке лет, Янагита и получил настоящее признание – как со стороны властей, так и со стороны самой широкой общественности. В июле 1946 г. его назначили советником Тайного совета, который, в частности, занимался обсуждением новой конституции Японии (Тайный совет был ликвидирован в мае следующего года). В июле 1947 г. Янагита стал членом Академии искусств, а в декабре 1948 г. – членом Академии наук. В 1949 г. он входит в правление государственного научно-исследовательского Института японского языка. Занимался он и написанием новых учебников для новой Японии. В ноябре 1951 г. Янагита наградили Орденом культуры. Он стал первым и последним этнологом, который удостоился этой награды. То же самое касается и его посмертного награждения Орденом утреннего солнца (1962). Популярность Янагита явно переросла научные рамки, его путевые заметки и эссе стали признавать образчиками литературного стиля, включать в антологии современной литературы.

Признание Янагита было связано не только с его личностью, но и с самим предметом его переживаний и штудий. Они имели своим объек-

²⁶ Цуруми Таро. Миндзокугаку-но ацуки хиби. Янагита Кунио то соно коданся. Токио: Иванами, 2004. С. 86–91.

том «народ», что соответствовало веяниям времени, когда идеи демократии и исторической субъектности «народа» получили широчайшее распространение. Написанная под диктовку американских экспертов новая японская конституция провозглашала народ сувереном. Народ в понимании Янагита оказался близок к занимавшим достаточно прочные позиции деятелям марксистского толка, которые апеллировали к «народным массам», в этой ситуации слишком многие мыслители и политики заискивали перед ними. Утверждение, что кучка милитаристов «обманула» народ, становится общепринятым. Мало кто отваживался задуматься о том, что вина за случившиеся лежит не только на политиках, но и на людях. Однако Янагита не поддавался сиюминутным политическим соображениям и не льстил народу. Он имел на это право, потому что любил его. Свои занятия этнологией он рассматривал как высокую миссию, поэтому ставил проблему гораздо глубже: в своей работе 1948 г. «Что такое современная наука?» он призывал с помощью этнологии разобраться в причинах, почему японцы поддались милитаристским идеям и поверили своим «руководителям». Выяснение этих причин он считал дорогой к счастью и выправлению тех недостатков, которые есть в японском народе²⁷.

Суждение о виновности народа не нашло в народе много сторонников. Зато идея Янагита о мононациональности японцев понравилась всем и фактически стала важнейшей составляющей государственной идеологии. Кроме того, в своей последней работе «Морской путь» (1961) Янагита сумел затронуть еще одну чувствительную струну. Речь идет об Окинаве. Янагита полагал, что предки японцев, которые умели возделывать рис (Янагита считал рис едва ли не родовым признаком японцев), пришли на архипелаг с юга, а их древняя культура в наилучшей степени сохранилась на Окинаве. Это мало согласовывалось с историческими данными, но отвечало общественному настрою: Окинава в то время находилась под американским управлением, а утверждение Янагита создавало впечатление, что архипелаг Рюкю был «изначально» заселен японцами.

«Южная теория» Янагита не имеет документальных подтверждений, и в конце его жизни стало окончательно понятно, что протояпонцы пришли на территорию Японии с Корейского полуострова. Они были носителями «культуры яёй» (III в. до н.э. – III в. н.э.), умели выращивать рис, производить металл и специфическую керамику. Археологами подтверждено, что культура яёй не затронула Окинаву, поэтому невозможно говорить о том, что рисосеяние «приплыло» на Японский архипелаг оттуда. В связи с этим серьезные ученые не считали окинавцев прародителями японцев. Теория Янагита основана не столько на научных данных, сколько на поэтическом воображении, но именно оно и

²⁷ Янагита Кунио дзэнсю. Токио: Тикума сёбо, 1990. Т. 26. С. 582.

произвело на японцев такое впечатление. И не только идеями, но и художественностью. Будущий лауреат Нобелевской премии по литературе (1994) Оэ Кэндзабуро в 1978 г. написал послесловие к «Пути». Он высоко оценил литературный стиль Янагита и смелость автора в части «воображения». В устах ученого вторая характеристика может выглядеть и как проявление скепсиса, но под пером литератора она превратилась в похвалу. По мнению Оэ, Янагита с помощью своего талантливоего поэтического дискурса сумел расширить границы своего «я», которое преодолевает время и внедряется в пласты древнейшего сознания, это «я» сумело выйти за пределы собственно Японского архипелага и прочно сплавить японцев с Окинавой, что превращает самого Янагита в великого старца – рассказчика эпоса. Под силой воздействия этого дискурса меркнут научные ошибки Янагита, ибо он сумел добиться более важного: его творческое воображение пробудило творческое воображение других людей²⁸.

В те далекие времена, когда Янагита увлекался своей «горской теорией», он неоднократно жаловался, что его друзья-литераторы не понимают его. Теперь первоклассный писатель восхищался его талантами.

За возвышенными и даже несколько напыщенными формулировками Оэ Кэндзабуро кроется несомненный исторический факт: не в последнюю очередь под влиянием Янагита в японском народе возникло ощущение кровного родства с обитателями Окинавы. Это ощущение вылилось в мощное антиамериканское движение за возвращение Окинавы, которое закончилось успехом: в 1972 г. Окинава вернулась под японскую юрисдикцию, что явилось важнейшей вехой в истории левого движения – лишенное окинавской «подпитки», оно стремительно пошло на спад. На самом-то деле «успех» левого движения оказался весьма относительным: американские военные базы, верно служившие Америке во время «доблестной» Вьетнамской войны, остались вековать на прежнем месте, а попытка премьер-министра Хатояма Юкио подвинуть (не ликвидировать!) в 2009 г. военно-воздушную базу Футэмма закончилась грандиозным провалом и отставкой. Кабинет не прожил и года, оказавшись одним из самых недолговечных в японской истории.

В 70-х годах XX века в Японии случился настоящий бум, связанный с именем Янагита. Всю свою жизнь он прославлял народную безымянность, но теперь он стал настоящим народным героем. Появляется множество работ и справочных изданий, в которых он аттестуется не просто как основатель японской этнологии, но как выдающийся мыслитель. Его труды изучают на школьных уроках истории, отрывки из его эссе и путевых заметок находят свое место на страницах учебников словесности, а район Тоно начинает позиционироваться как «малая родина» для всех японцев.

²⁸ Янагита Куньо. Кайдзё-но мити. Токио: Иванами, 2011. С. 362–364.

«Бум Янагита» был связан не только с его именем. Правильнее было бы сказать, что имя Янагита обрело популярность прежде всего потому, что в стране наблюдался настоящий этнологический бум. Значительная часть интеллектуалов разочаровалась к этому времени в социалистических идеях и с готовностью обратилась к тем бесклассовым формам объективации «народа», которую практиковали японские этнологи. Но главное все-таки не это. Этнологический бум подпитывался, прежде всего, ностальгическими чувствами по отношению к «доброй старой Японии», среду бытования которой безжалостно разрушала модернизация. В обмен на руины она предлагала новехонькие холодильники, телевизоры и автомобили. Японцы не смогли отказаться от этого в высшей степени заманчивого предложения, но ностальгия все равно мучила их. Этнологи же оказывали психологическую помощь и предлагали свои «таблетки» – ученые труды, которые притупляли остроту утраты. Японский стиль жизни уходил в прошлое, количество деревенских жителей стремительно сокращалось, «японскость» теряла материальное выражение и все больше переходила в разряд умозрительных категорий, но это иллюзорное строение отличалось прочностью.

Этнологический бум был встроен в более широкое культурно-идеологическое течение, которое получило название «нихондзинрон». Его главной задачей было самописание японцев, которые боялись потерять свою идентичность под напором западных ценностей и представлений. Люди, которые именовали себя этнологами, и здесь приходили на помощь. Общественный пафос их исследований и рассуждений был направлен на то, чтобы доказать самим себе свое собственное существование.

Япония стала растить огромное количество этнологов. Подавляющее их большинство по примеру Янагита специализируется на японской этнологии. Они печатаются на японском языке, основу их аудитории составляют и составляют японцы, а не сообщество, которое гордо именует себя «международным» на том основании, что изъясняется по-английски. Это сообщество временами по-детски дует на японских этнологов за то, что они пишут на малопонятном языке. Приведем особенно вызывающий пассаж.

«Мы полагаем, что японской фольклористике есть много что сказать, но проблема состоит в том, что она не умеет донести свою релевантность до более широкой аудитории. Это объясняется рядом взаимосвязанных факторов, самым явным из которых является языковой барьер. Будучи очень эффективными на своем родном языке, японские фольклористы показывают нежелание публиковать свои исследования на английском. Не говоря уже о других языках. Нравится или не нравится, но английский стал языком международной науки. Мы признаем несправедливость такого положения и сожалеем, что так мало западных

ученых владеют японским и иными азиатскими языками, но реалии современной жизни таковы, что эта ненормальная ситуация вряд ли будет исправлена в ближайшем будущем»²⁹.

Читая эти строки, поневоле вспоминаешь об идеалистическом проекте Янагита и Инобэ Инадзо сделать эсперанто рабочим языком Лиги Наций.. В ламентациях «международных» ученых видно идеалистическое желание превратить японскую этнологию в «объективную» науку. Янагита настаивал, что этнолог должен обладать любовью и сочувствием к объекту своего изучения, а при таком подходе «объективность» становится эквивалентом «равнодушия». Японская этнология как общественно-культурный и идеологический институт – нравится это нам или нет – не ставит перед собой задачу войти в международное сообщество, она является частью мощного дискурса, нацеленного на само-описание и самоконструирование этноса, и капризное требование изъясняться по-английски равносильно упреку японскому писателю, что он продолжает писать на родном языке. Поэтому не исключаю, что упреки японским этнологам (фольклористам, этнографам) в их «японскости» воспринимаются ими как настоящая похвала. К японскому этнологу следует относиться прежде всего как к японцу. Имеющиеся исключения лишь подтверждают это правило.

Лично мне достаточно понятны и близки упреки в «зацикленности» многих японских этнологов исключительно на Японии, что создает иллюзию уникальности и особенности Японии и ее обитателей. Однако я сильно сомневаюсь в том, что, как предполагают процитированные Шнелл&Хироюки, такая закрытость и даже «узколобость» принесет им что-то очень плохое (*highly unfortunate*) и приведет к «маргинализации». Вряд ли эти угрозы испугают японского этнолога, поскольку он не может быть маргинализирован от своего народа, численность которого составляет больше 120 миллионов человек. Только в 17 североамериканских университетах можно получить специализацию по этнологии, защитить диссертацию – в 11. В японских университетах было учреждено 57 этнологических аспирантур, по всей стране разбросано огромное количество краеведческо-этнологических музеев. Общество японской этнологии «Миндзокугаку гаккай» насчитывает около 2300 членов. Кроме него, существуют десятки институционализированных учреждений и дилетантских сообществ. Невольно напрашивается вопрос: кто в этой ситуации является маргиналом?

Ученый ум настроен на выяснение объективной истины, развенчание социальных мифов. Однако все ученые рассуждения относительно «воображаемых сообществ» и «изобретенных традиций» меркнут перед верой в исконность традиций и изначальное существование наций. Знание

²⁹ Scott Schnell & Hiroyuki Hashimoto. *Revitalizing Japanese Folklore*. Yanagita Kunio and Japanese Folklore Studies in the 21st Century // Edited by Ronald A. Morse. Kawaguchi: Fujiwara Shoten, 2012. P. 106.

не может победить веру, потому что разговаривает с ней на непонятном и неубедительном для нее языке. Предполагаю, что вера (убежденность) является необходимым компонентом психологического комфорта. Вера предоставляет целостную картину мира, которую не предоставляет наука. Вера знает ответы на все вопросы, наука только обещает, что со временем она, может быть, ответит на некоторые из них. Плохо ли это? Вера в свою уникальность и избранность подвигла Японию к экспансионизму и агрессиям, которые закончились сокрушительным поражением во Второй мировой войне. Часть нынешних критиков Янагита упрекают его в том, что его идеи относительно мононациональности японцев являлись частью этой агрессивной системы³⁰. Но при этом забывается, что до войны и во время нее влияние его идей отнюдь нельзя признать сколько-то значимой. Наибольшую популярность Янагита приобрел *после* войны, а послевоенная Япония представляет собой несомненный образец для подражания в части отсутствия агрессивных настроений. Это касается как отношений между японцами внутри страны, так и международной политики. Могут ли иные страны похвастаться чем-нибудь подобным?

³⁰ Наиболее последовательно, агрессивно и бездоказательно эта линия проводится *Мураи Осаму* (Нанто: идэороги-но хассэй. Янагита Куню то сёкуминтисюги. Токио: Иванами, 2004).